

УДК 343.2.01

А. О. Магуза, ст. преподавательМосковский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,
ул 2-я Бауманская, 5, г. Москва, 105005, Российская Федерация

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-х гг.

Статья посвящена исследованию развития теории уголовного права в реформаторский период истории России. Также рассматривается влияние деятельности русской эмиграции на формирование правовой мысли.

Ключевые слова: эмиграция, революционный террор, направления уголовно-правовой науки, сравнительное уголовное законодательство, уголовная политика, принцип принципа «Nullum crimen sine lege», флуктуация, преступление.

Современные мировые процессы глобализации создают перед славянскими народами серьезные проблемы, связанные с окончательным разрушением основ их исторического наследия, утратой духовных рычагов и маятников, разграблением национальной самобытности и самодостаточности.

Как известно, XX век породил во многом регрессивные социальные процессы. Переломные для России события революции 1917 года и последовавшей гражданской братоубийственной войны значительным образом отразились во всех сферах общественной жизни. Смена одного социального порядка другим всегда протекает губительно для отдельных категорий людей или классов. Происходит беспощадная борьба за власть. Господствующие революционные силы активно прибегают к террористическим методам подавления масс. В этом противостоянии «побеждает» наиболее организованная сила и уже она формирует новые границы идеологических максим. Вследствие этого такие опорные кариатиды социального здания, как наука и культура, помимо прочих, подвергаются жесткой переработке под главенствующую теорию революционной мысли, а ее деятели подвергаются тотальному контролю. Так было и в условиях российской революции. Смена общественных установок привела к губительной гражданской войне, когда брат убивал брата. Террору красных противостоял террор белого движения. Нападкам и гонениям подверглась большая часть российской интеллигенции: ученые, преподаватели, писатели, артисты и др. Те, кто до революции считались выдающимися деятелями науки, те, кто только начинал свой жизненный путь в области творчества, те, кто нес свой крест на поприще служения Аполлону.

После падения Временного правительства утвердившаяся Советская власть сразу обозначила векторы действия в отношении бывших политических и классовых противников. Следует заметить, что многие представители науки того времени были тем или иным образом связаны с политической деятельностью. Так, например, гениальный социолог П. А. Сорокин был некоторое время членом партии эсеров, выдающиеся профессор уголовного права В. Д. Набоков и М. П. Чубинский состояли в ЦК партии кадетов. Многие ученые были неуютны режиму вследствие своего классового происхождения, имущественного положения или иных оснований. Складывающиеся политические события побудили их во спасение своих жизней покинуть Родину, причем с уверенностью, что вскоре они смогут

и прочного прогресса» [5, 29], профессор Чубинский по праву может быть причислен не только к создателям системы уголовной политики, но и к одному из пионеров криминологической науки в России.

В 20–30-е гг. из-под пера профессора выходят такие работы, как: «*Общая характеристика новых учений в уголовном праве*» (1925) [6], «*Закон и действительность в Советской России*» (1926) [7], «*Уголовная политика (понятие, содержание и отношение к науке уголовного права)*» (1937) [8], «*Итальянский уголовный кодекс от 19 октября 1930 г. (Общая часть)*» (1937) [9], «*Некоторые особенности преступности в Югославии*» (1938) [10] и др.

А. В. Маклецов (1884–1948) — выдающийся криминалист русского зарубежья, ученик М. П. Чубинского. Его, по праву, можно назвать ученым международного уровня, статьи и монографии которого публиковались на многих языках и во многих странах.

А. В. Маклецов получил образование в дореволюционной России. К преподавательской деятельности приступил в 1912 г., читая лекции и проводя практические занятия на юридическом факультете Харьковского университета. Он также состоял профессором законовения в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства в Харькове. В этот период публиковался во многих научных изданиях, принимал участие в составлении статей к курсу правоведения по Народной энциклопедии, изд. в 1911 г.

После революции А. В. Маклецов, будучи в эмиграции, работал сначала в Праге, а с 1926 г. — в Любляне в качестве ординарного профессора университета Короля Александра I, где ему и довелось провести остаток своих дней.

Сфера научных интересов А. В. Маклецова обширна. В его трудах нашли отражение такие уголовно-правовые вопросы, как: проблемы преступления и психоанализа, уменьшенной вменяемости, уголовной ответственности несовершеннолетних и многие другие. Значительное внимание он уделял анализу иностранного уголовного законодательства, прежде всего Чехословакии и Югославии. Находясь на чужбине, Александр Васильевич с волнением следил за изменениями в области законодательства, которые происходили на Родине.

Уголовная политика, по мнению А. В. Маклецова, должна зависеть от этиологических предпосылок и от общих принципов государственной политики. «Борьба с преступностью не должна обращаться в самоцель». Уголовный законодатель должен принимать во внимание множественность (плюрализм) причин преступности, а не следовать рациональным схемам и построениям чистой теории. Если уголовная политика преследует исключительно утилитарные цели и пренебрегает моральными и религиозными воззрениями и чувствами народа, то она обречена на неуспех и «неодобрение в народной толще» [11, ст. 3185–3186]. В своей деятельности «законодатель должен считаться с исторической традицией и правильно оценивать потребности своего народа, особенности его психологии и материальные возможности, которыми располагает государство при осуществлении реформы уголовного законодательства. Ибо практическая уголовная политика, как политика вообще, есть искусство намечать и осуществлять реально возможные и достижимые цели» [11, ст. 3186].

Большой интерес представляет подход А. В. Маклецова к теориям вины и опасного состояния личности. В одной из своих статей он указывает на существование в науке уголовного права ряда подходов к пониманию вины, таких как нормативный, психологический, синтетический (вина характера) и критерий опасного состояния. Рассматривая психологическую теорию вины, А. В. Маклецов подчеркивает ряд ее недостатков и в первую очередь невозможность подведения отдельных форм виновности под высшее (родовое, генеральное) понятие вины. Стоит заметить, что и современное российское уголовное законодательство восприняло наряду с нормативным (оценочным) и психологический подход к пониманию субъ-

тал лекции по уголовному праву и процессу на Русских Университетских Курсах, Военно-юридических Курсах и в некоторых других учебных заведениях.

П. М. Минц признавал себя последователем Ансельма Фейербаха, Биндинга и Н. С. Таганцева, знаменитых представителей классической школы уголовного права. В 1925 и 1928 гг. издал фундаментальный учебник «Курс уголовного права» на русском языке, в котором выступил в качестве приверженца принципа «Nullum crimen sine lege», указывая на то, что без его законодательного закрепления уголовное право превратится в недопустимый уголовный произвол. На IV Международном конгрессе уголовного права, проходившем 26–31 июля 1938 г. в Париже, П. М. Минц убедительно отстаивал позицию о невозможности применения аналогии в области уголовного права.

Интересную позицию П. М. Минц высказывал о соотношении уголовного права и этики, утверждая, что «не все безнравственное наказывается и не все наказываемое безнравственно» [15, 2]. Исходя из этого «право и этика подходят к оценке людского поведения с разных точек зрения» [15, 2]. Иными словами, не следует сводить право вообще, и уголовное право, в частности, к этическому минимуму.

П. М. Минц — противник смертной казни в мирное и культурное время. По его мнению, этот институт уголовного наказания несет в себе сакральный смысл, т. е. «преступник со строжайшим соблюдением предначертанных обрядностей приносится в жертву идее справедливости» [15, 140]. Однако «в беспокойное время (война, революция, народные бедствия), когда расшатываются все устои, когда опрокидываются все культурные преграды, когда жизнь теряет свою ценность и отдельные индивиды или целые группы, благодаря своей разнузданности, становятся особенно опасными, тогда вопреки всем теориям либерального порядка, властно и стихийно на сцене должна появиться смертная казнь, которая вновь упраздняется с исчезновением всех вызвавших ее пертурбаций» [15, 147].

Американское направление эмиграции было представлено такими крупными учеными, как криминалистом социологического крыла *Николаем Сергеевичем Тимашевым*, и *Борисом Львовичем Бразодем*. Их работы по уголовному праву и по другим смежным научным вопросам снискали популярность среди научного сообщества. Остановимся подробнее на рассмотрении их научных изысканий.

Н. С. Тимашев (1886–1970) — выдающийся социолог, правовед и общественный деятель. Был выходцем из старинного дворянского рода, отец его занимал высокие государственные посты при дворе. Н. С. Тимашев окончил в Петербурге 1-ю классическую гимназию и Александровский лицей, некоторое время изучал право в Страсбургском университете. В ноябре 1914 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Условное осуждение», которая сразу же была опубликована. Вскоре из-под его пера выходит 2-томная докторская диссертация «Преступное возбуждение масс», посвященная вопросам подрывной деятельности с точки зрения уголовного права. К сожалению, текст этой научной работы был уничтожен революционной большевистской властью и тем самым был выброшен навсегда за борт истории науки. Помимо такой плодотворной научной работы, Н. С. Тимашев активно занимается преподавательской деятельностью и работает у отца личным секретарем. В августе 1921 г. в связи с угрозой ареста по делу Петроградской боевой организации (т. н. «заговор Таганцева») вынужден был бежать «по льду Финского залива» с женой и младшим братом в Финляндию. После этого он не щадя сил сотрудничает со многими газетами, выступает в разных учебных заведениях Европы, публикует работы о существующей общественно-политической обстановке в СССР. В 1932 г. он получает из США от своего давнего друга, выдающегося социолога и криминолога П. А. Сорокина, предложение принять участие в фундаментальной работе, посвященной динамике социального и культурного развития. В течение двух лет Н. С. Тимашев составлял сводку данных об изменениях состава преступлений и суровости наказаний в странах Европы со

времен падения Римской империи до современности, систематизировал сведения о революциях с V в. н. э. до 1925 г.

Эти фундаментальные исследования легли в основу некоторых глав знаменитой книги **П. А. Сорокина** «Социальная и культурная динамика». Стоит напомнить, что в этой работе развитие уголовного права было рассмотрено через призму флуктуации этико-юридического порядка и культурных типов. Так, по мнению П. А. Сорокина, истории человечества известны три типа культур: идеациональный, идеалистический (промежуточный) и чувственный. Современный тип культуры по данной классификации определяется как чувственный. Если идеациональному типу соответствует более строгое и суровое уголовное право, то оно все-таки направлено на воспитание добродетельных чувств. Уголовному праву же чувственной культуры свойственно стремление охранить порочные страсти, такие как: вседозволенность, гедонизм, скептицизм, половую распущенность «с ее совершенно деморализованным и недисциплинированным типом личности» [16, 544–545]. В этих сложных условиях чтобы «дисциплинировать человека и общество, чтобы успешно обуздать распущенные чувственные склонности и страсти и привить новые формы поведения, сдерживающие подобного рода склонности, культура и право не могут быть слишком мягкими. Одними проповедями убедить тигров не трогать ягнят нельзя. Нужна клетка, порой и кнут, а иногда и нечто еще более суровое и материально эффективное» [16, 545]. П. А. Сорокин утверждал, что и у современной эпохи разнузданности будет долгое кризисное состояние, которое сменится ярким рассветом идеациональной культуры с ее жесткими, зато эффективными уголовно-правовыми мерами, но с доминированием все же альтруистической любви и солидарного общежития.

Находясь в США, Н. С. Тимашев не перестает самоотверженно трудиться на научном и преподавательском поприще. Он довольно часто публикуется в латвийском журнале «Закон и суд», где выходят его статьи, посвященные эволюции советского уголовного права и законодательства, итальянскому кодексу 1930 г. (Кодексу Б. Муссолини), давая достаточно беспристрастную профессиональную оценку этим правовым веяниям таких различных по своей идеологической подпитке режимов. В последние годы появляются в свет фундаментальные работы Н. С. Тимашева, посвященные условному осуждению [17].

Б. Л. Бразоль (1885–1963) — окончил знаменитое Училище правоведения. В 1916 г. работал юрисконсультom закупочной комиссии в США. После разразившейся революции в России оказался в опале как монархист и классовый противник. Решил не возвращаться на Родину, жил в США. Борис Львович возглавлял общество А. С. Пушкина и был профессором русского отделения Колумбийского университета. Помимо своих публицистических и литературно-критических работ, большое внимание уделял проблематике уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Б. Л. Бразоль был постоянным членом Международной Академии уголовного права. В 1929 г. на английском языке выходит в свет его книга «Основы преступления (психосоциальная интерпретация)» [18], которая по праву выдвинула его в ранг международных ученых. Здесь были отражены все современные научные подходы к проблеме преступления как уголовно-правовой категории и преступности как криминологической, был использован значительный статистический материал по всей Европе. Помимо криминологической проблематики, Б. Л. Бразоль значительное место отводит в этой работе вопросам уголовной ответственности, причем основываясь на личном опыте. В параграфе, посвященном юридическому аспекту преступления и ответственности, он дает следующее определение дефиниции «преступление» — это деяние, запрещенное и наказуемое законами того или иного государства, представляющее собой виновную попытку со стороны человека посягнуть на сложившиеся общественные отношения [18, 298]. Замечая при этом, что именно фактор, определяющий координацию различных

элементов состава преступления, позволяет обществу синтезировать уголовно-правовую доктрину.

Следует заметить, что данный труд Б. Л. Бразоля был трижды переиздан и занял заслуженное место в золотом фонде американской уголовно-правовой науки и криминологии, а его автор снискал славу выдающегося ученого.

Стоит упомянуть и о русских криминалистах **германского направления** Льве Моисеевиче Зайцеве и Сергее Константиновиче Гогеле (первый период его эмиграции приходится на Константинополь и Прагу, последние же годы он трудился в Русском научном институте в Берлине).

В заключение хотелось бы отметить, что предвоенные годы и Вторая мировая война, безбожно-кровавая по своему характеру, не обошли стороной и русскую эмиграцию. Политические механизмы заработали против них. Закрывались русские учебные заведения, переставали издаваться многие эмигрантские журналы и газеты. Так, к примеру, журнал «Закон и суд», главным редактором которого был П. Н. Якоби, закрыли 29 июля 1938 г. Решением Департамента Печати Латвии.

Со временем русская эмиграция стала растворяться в культурных пространствах зарубежья. Вклад, который она внесла в золотой фонд мировой науки, неизмерим. Это и позволяет утверждать о ее созидательной направленности.

Литература

1. *Дом в изгнании (Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945).* — Изд-во: Русская традиция RT+RS SERVIS. — Прага, 2008, с. 512.

2. Э. Ф. Побегайло. *О зарубежном российском правовом наследии // Российский криминологический взгляд.* № 1., 2009., С. 354.

3. *Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. статья В. С. Овчинского, А. В. Федорова.* — М.: ИНФРА_М, 2008. — С. X–XI.

4. *Криминална политика: (појам, садржај и однос према науци кривичног права) / Чубински, Михаило П.* — Београд : Г. Кон; 1937.

5. *А. В. Маклецов М. П. Чубинский как ученый криминалист // Профессор М. П. Чубинский и 35-летие его научной, литературной и общественной деятельности (Юбилейный сборник).* — Белград., 1930. С. 29.

6. *Општа карактеристика нових школа у кривичном праву / Чубински, Михаило П.* — 2. поправљено и допуњено изд. — Београд : Г. Кон; 1925.

7. *Чубинский М П. Закон и действительность в Советской России.* Белград: Стефанович, 1926.

8. *Криминална политика : (појам, садржај и однос према науци кривичног права) / Чубински, Михаило П.* — Београд : Г. Кон; 1937.

9. *Италијански кривични законик : од 19 октобра 1930 год. : (општи део).* — Београд : [б. и.]; 1937.

10. *Неке особине криминалитета у Југославији / Чубински, Михаило П.* — Београд : Наставници правног факултета; 1938.

11. *Маклецов А. В. Проблема уголовной политики. // Закон и суд.* № 3 (63), 1936. Столб. 3185–3186.

12. *Маклецов А. В. Нормативная теория вины в уголовном праве // Закон и суд.* № 8 (48), 1934. Столб. 1681–1682.

13. *Протокол допроса от 25 октября 1940 года, Latvijas Valsts arhivs (Латвийский государственный архив), фонд 1586, опись 1, дело 7401.*

14. *Таганцев Н. С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С комментариями* — Рига. Книгоиздательство «Лета». 1922 — с. 1228.

15. *Мици П. М. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть.* — Рига, 1925, С. 2.

16. *Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Пер. с англ.* — М., 2006. — С. 544–545.

